

ЭДВАРД БЁРНС

В переводе
Шаши Мартыновой

18+

ПАЦАН С УЛИЦЫ МАЛЬБОРО

Имена. Зарубежная проза

Эдвард Бёрнс

Пацан с улицы Мальборо

«Азбука»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бёрнс Э.

Пацан с улицы Мальборо / Э. Бёрнс — «Азбука»,
2024 — (Имена. Зарубежная проза)

ISBN 978-5-389-33600-1

Если сочинить стихотворение про Иисуса, то можно получить «А с плюсом», а что еще фантастичнее – выиграть поэтический конкурс, кубок которого будет больше спортивных наград. Благодаря чему получишь старую печатную машинку от отца и стопку книг от матери, ведь родители уже видят тебя писателем. И двенадцатилетний пацан с улицы Мальборо начинает искрометно, по-взрослому, а порой наивно писать о своей жизни и семье. Как вести себя на поминках Деда Максуйни? Можно ли помочь маме, увязшей в своей печали? Куда сбегает в своих мыслях папа? Почему старший брат Томми стал совсем не управляем и не терпит правил? Он наблюдает за всем, еще не понимая, как этот ирландско-американский мир определяет, кто он такой и кем он станет. А тем временем прошлое и настоящее причудливо переплетаются в семейных историях о красочном пребывании старшего поколения в Бронксе и Адской кухне и о спокойной жизни в Гибсоне, городке на Лонг-Айленде. «Пацан с улицы Мальборо» – трогательный, иногда смешной, а иногда грустный роман взросления, колоритная ирландско-американская сказка, шумная и радостная.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-33600-1

© Бёрнс Э., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

1	7
2	10
3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эдвард Бёрнс

Пацан с улицы Мальборо

*Моим матери и отцу, а также их родителям и прародителям,
которые пересекли Атлантику, не имея по карманам ничего, кроме
надежд и мечтаний*

Edward Burns
A KID FROM MARLBORO ROAD

Фотография на обложке из архива автора

© 2024, Ed Burns Originally published by Seven Stories Press, Inc. New York, U.S.A.

© Мартынова Ш., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА»[®], 2026

1

Сегодня ходили на Дедовы поминки. Церемония с открытым гробом – именно это оно и значит. Мертвых я прежде не видал ни разу. Ждешь своей очереди, чтобы подойти к гробу, встать возле него на колени и помолиться. Мама уже была рядом с гробом и цветами, с ней – ее братья Майк¹ и Марк, а также их мачеха Гиллиган. Я на нее даже смотреть не мог, уж так она горевала. Сам я проревел два дня подряд и перед всеми этими чужими начинать по новой не хотел.

Народу набилось полно. Выставили сорок рядов стульев, и все до единого оказались заняты. Очередь из тех, кто желал выразить соболезнования, выстроилась аж до самой двери и наружу, на тротуар. И в очереди были не только наши родственники и друзья Деда из Бронкса. Тут были сотни землероек – людей, судя по всему явившихся прямоком с работы, поскольку были они в выпачканных глиной рабочих сапогах и грязных рабочих штанах, а по задним карманам были у них распаханы промасленные рабочие рукавицы, в руках каски. Присутствовали легавые в мундирах и следователи в приличных костюмах. Старые бабки-ирландки, все в черном, тихонько расселись и молились, перебирая четки, а другие старые бабки-ирландки рыдали в голос. Явились и дядьки из бара, где Дед выпивал что ни вечер, а также единственный еще живой его друг с кухни, который с Дедом, бывало, пел и плясал вечерами по субботам.

– Ты глянь, сколько народу, сразу видно, что человек людям нравился, – сказал папа.

– Вот как есть, – отозвался я, подражая Дедову ирландскому выговору.

Отец улыбнулся, взял меня за руку и сжал ее. От этого стало хорошо, пусть рука у него и была потная. Сегодня держать его за руку на людях мне не стыдно, потому что похороны, мне грустно, и никто не станет смеяться над пацаном на похоронах его деда. Папа держал мою руку, пока с ним кто-то не заговорил и не отвел его в сторону, и мы с Томми остались в очереди одни. С тех пор как до нас дошла новость, что Дед помер, Томми будто подменили. Вдруг совсем не козлиная. С родителями вежливый, спрашивает, надо ли помочь по дому, и даже сказал, что готов присмотреть за мной, пока мы на поминках. Но странно то, что в слезах я его не видел совсем. Наблюдал за ним, когда он подошел к гробу: он даже и особо грустным-то не смотрелся.

– Ты знаешь, что нужно делать? – спросил я у него.

– Ага, просто подходишь, встаешь на колени и читаешь молитву.

– Хочешь, вместе подойдем? – спросил я.

– Ага, может, лучше так, – сказал он.

Ну, мы так и сделали. Встали на колени, перекрестились и склонили головы. Придумать, какую бы молитву произнести, у меня получалось с трудом, я слишком пристально смотрел Деду в лицо. В смысле, похоже было, будто это мой дед – и при этом не он. Трудно описать. Он выглядел чуть ли не поддельным, а не мертвым, но, может, покойники все такие. Одет он был в костюм и галстук, я его наряженным не видел сроду.

Покончив с молитвой, Томми потянулся вперед, тронул Дедову руку и сказал мне:

– Пошли.

Я глазам своим не поверил: он к Деду прикоснулся. Теперь и я хотел Деда потрогать, но Томми уже встал и сказал:

– Идем, люди ждут.

Пришлось встать. Как ни противно это признавать, но я позавидовал Томми: он покойника трогал, а я нет. Уверен, это грех – думать такое. Не забываем, Бог все знает!

¹ В переводе романа большинство имен собственных и топонимов приводится в соответствии с современными произносительными нормами английского языка.

Встав, мы двинулись к семье, выстроившейся для приема соболезнований, и первым делом поздоровались с дядей Майком, он стоял прямо рядом с гробом. Дядя Майк здоровенный, он не ревел. Пожал нам руки и обнял и сказал, что Дед теперь в лучшем месте. Дядя Марк стоял рядом, и вид у него был такой, будто он плакал, но он пошутил насчет того, до чего у нас в дешевых наших костюмах потешный вид. Рук он нам не жал и не обнимал нас, зато изобразил, будто сейчас двинет Томми в живот, а мне взъерошил волосы. Дальше стояла мама. Я сразу же бросился обнимать ее за талию и сжал крепко-крепко, и давай реветь. Не знаю, чего это я, но никак не смог с собой справиться. Мама попыталась сказать, что все путем, но не смогла, потому что сама тоже редела, и, наверное, ей трудно было говорить – стискивал я ее очень сильно. Вот тут-то и решил Томми побыть козлиной и просто вышел из похоронного дома на улицу, ничего не сказав ни маме, ни Гиллиган. Мне хотелось его убить.

Мама стерла слезы мне с лица, я обнял Гиллиган и после этого продрался сквозь толпу в поисках Томми, ужасно злясь и приговаривая про себя: «Вот найду его, ничего не стану ему говорить, просто подойду и врежу ему в подлую рожу». И тут я его засек. Он сидел на стуле в середине последнего ряда. Застрял между двух старых бабок в черном, те бубнили по четкам, а он ревел, ну то есть по-настоящему ревел, лицо красное, и весь трясся от рыданий.

* * *

После поминок мы все перешли через улицу в бар, и настроение у всех сильно улучшилось. Даже мама улыбалась и смеялась, рассказывая всем, как Дед водил ее по барам на Третьей авеню, где брал себе пинты и пел песни, вот как есть, а она сиживала у барной стойки и ждала, когда он закончит валять дурака, закинет ее себе на закорки и они двинутся дальше по задам города в очередной бар. Все смеялись, и говорили тосты, и выкрикивали Дедово имя, и пили свою выпивку, и всё рассказывали и рассказывали байки.

Единственный доживший до того дня ирландский музыкант с хоровых посиделок на кухне у Деда, скрипач Брэди, поднял стакан и сказал:

– Пусть это будет за душу Деда Максуйни.

Все подняли стаканы.

– Да примут ее, – отозвались они, выпив.

Гиллиган сказала всем, что ей казалось, будто Дед знал, что Господь его скоро призовет.

– Вы только подумайте, когда пошла я доставать его костюм, в каком хоронить, не могла его найти нигде, пока не закрыла дверь в спальню – там-то он на крюке и был, за несколько дней перед тем из химчистки вернули, – сказала Гиллиган. – А костюм этот, между прочим, он не надевал двадцать лет, и с чего могло б засвербеть человеку отправить костюм, который двадцать лет ненадеванный, в чистку, если Господь не подал ему знак, за плечо не тронул да не нашептал на ухо, что костюм-то пора утюжить? Потому как, раз предстоит встретиться со спасителем нашим, нельзя ж быть в мятом костюме.

После той ее байки повисла тишина, и все дедовы друзья и родня закивали. Дядя Марк повернулся ко мне и спросил, не хочу ли я произнести пару слов или рассказать что-нибудь. Я покачал головой.

– Давай, пацан. Если не можешь рассказать хоть вполовину занятную байку про одного из самых потешных людей, каких в жизни видывал, нет тебе права быть ни в этом баре, ни частью этой семьи. – Я глянул на отца, тот пожал плечами.

– Дядя Марк прав. Расскажи нам хотя бы что-то одно, что тебе о твоём дедушке памятно.

Даже не верилось, что папа так вот со мной обошелся. Я тут большинство народу знать не знал, и в бар меня допускать даже не полагалось, но выбора у меня не было.

– Ладно, – сказал я. – Эту байку Дед рассказал мне, он считал, что она смешная, и повторял он ее уйму раз. Он рассказывал, что в тот вечер, когда папа сделал маме предложение, они с мамой пошли праздновать и сидели в кабинке в баре, и мама моя ревела.

Встрял дядя Майк:

– Она вечно плаксивая была, верно, а? – Люди, знавшие маму, закивали.

Я продолжил:

– Но в тот раз она ревела, потому что была счастливая. Но тут кто-то сказал вам, ребята, ее братьям, что ее видели в баре на вашей улице, и сестра ваша ревела. Ну, вы оба рванули туда и никаких вопросов не задавали – схватили моего отца, выволокли на улицу и уже собрались отлупить, как следом выскочила мама и завопила, чтоб вы прекратили, и показала кольцо, чтоб доказать, что это она от счастья ревела, а не от беды. И тогда все вы вчетвером отправились на квартиру – разбудить Деда и поделиться с ним хорошими новостями, но он уже ушел выпивать. Поэтому, чтоб его отыскать, пришлось обойти все бары Бронкса, и, когда вы Деда нашли, он глянул на обручальное кольцо, которое папа вручил маме, покачал головой и сказал: «Такое не годится, вот как есть». И вы вместе вернулись по Конкурсу² в квартиру, и Дед достал бабулино обручальное кольцо еще с тех пор, когда они в Ирландии жили и были очень бедные. И папа заново сделал маме предложение перед всеми вами в кухне, и на том всё. Вот такое я помню.

Никакого смеха мне в ответ не было, потому что байка на самом деле несмешная, но сказали, что мне можно остаться. Маме пришлось показать всем кольцо, и пока она его показывала, улыбка из их с отцом свадебного альбома вновь возникла на мамином лице.

² Конкурс – район в нью-йоркском Южном Бронксе, место обитания еврейской, итальянской и ирландской диаспор.

2

Сидел я как-то раз вечером у себя на кровати и смотрел на большой клен за окном. Было ветрено, и почти все листья облетели, а толстые, зверские с виду ветви тянулись во все стороны – и туда, и сюда, и мотало их и так, и сяк, а одна ветка скребла по стене моей комнаты.

Пока я был совсем малявкой, этот скребущий звук пугал меня до усрачки. И, сказать вам честно, оно и до сих пор будь здоров как страшно, однако я уже слишком взрослый, чтоб убегать в комнату к родителям и забираться к ним в постель.

Только иногда, если отец работает в ночную, я по-прежнему юркаю спать к маме. Мы слушаем эту радиопередачу, которую она любит, – Джина Шепарда³. Он тот самый дядька, который поет дурацкие песенки и рассказывает байки, и засыпать под него очень здорово. Обожаю его байки про то, как он был пацаном. Если выдает в самом деле классную – вроде той, где он рассказывает, как разносил газеты, мы с мамой не спим аж до половины двенадцатого, пока он не закончит, лишь бы дослушать, какая у нее там развязка. А если мама устает и выключает радио до того, как байку доскажут, она спрашивает, сплю я или как, и я прикидываюсь, что сплю, чтобы не пришлось возвращаться к себе в постель. Когда-то мне у мамы в постели удавалось спать все время, но теперь, когда я вырос, она говорит, что мне пора учиться спать самому, но я б лучше все равно спал у нее и слушал Джина Шепарда.

– Но у тебя в комнате есть свое радио. Слушай Джина Шепарда там, – говорит она мне, но никак не понимает, что куда веселее слушать вместе с ней, чтоб смеяться вместе и обсуждать всякое из рассказанного, что нам больше всего понравилось.

Такое, наверное, у меня самое любимое время с мамой, и я уверен, что и для нее это самое любимое время со мной, потому что всякий раз, когда выдается побыть вот так вместе, она меня обнимает и целует, словно я по-прежнему малявка, и зовет меня Нини⁴ и говорит, что обожает вот так проводить со мной время. Программа Джина Шепарда всегда начинается с песенки, которая похожа на скачки, когда лошади выходят к воротам. Призыв на старт. Как слышу тот рожок у мамы из комнаты, а отца при этом дома нет, – это мой сигнал проскользнуть. Я как лошадь в Бельмонте – пора прочь из загона.

В лошадиных бегах я немножко разбираюсь потому, что мы живем рядом с ипподромом Бельмонт-парк, где проводятся Бельмонтские скачки, а еще потому, что отец любит «сыграть на пони». Каждый год по осени мы с братцем Томми отправляемся вместе с отцом и другими легашами, с кем он работает, на осенние сезонные скачки. На тех скачках есть большое событие, которое называется «Мальборо». Отец говорит, это наш счастливый забег, поскольку мы живем на улице Мальборо. И он прав. Всякий раз, когда идем на забег «Мальборо», мы выигрываем.

Люблю дни на скачках, и не только потому, что ставить на бегах весело, а еще и потому, что отцов напарник-легаш по имени Кармине Каппабьянко знает одного тренера, и нас всегда пускают в стойла вместе с ним, чтоб глянуть на лошадек поближе. Разок мне даже дали на одной посидеть. В тот день мы поставили на коня Карминова друга, но тот проиграл. Томми сказал, что нам поэтому и дали посидеть на том коне.

– Не было у него никаких шансов на выигрыш. На победителя тебе никто сидеть не даст.

³ Джин Паркер Шепард – мл. (1921–1999) – американский юморист, радио- и телеведущий, писатель, актер. Речь о «Шоу Джина Шепарда» на радиостанции WOR, выходившей в эфир до 1977 года.

⁴ От ирл. *naíonín* – младенец, малютка.

* * *

Ну и вот, как я и сказал, сидел я в постели, глядел в окно, потому что там, на углу улицы, обычно происходило что-нибудь интересное. Мы живем на перекрестке Мальборо и Пейдж, и угол через дорогу от нашего дома – любимое место соседских подростков постарше. В зависимости от времени дня и года, там всегда найдется на что поглазеть. Есть одна парочка – Линда Лири и Поли Фонтана, эти вечно заявляются около одиннадцати, когда большинство остальных уже разбрелось, а эти двое усаживаются на бровку под фонарем и тискаются часами напролет. Буквально – часами! Мне это известно, потому что я за ними наблюдал не раз и не два. Бывали вечера, когда я уходил в уборную или болтал с мамой, заглядывал к ней узнать, что она смотрит по телику; раз было даже, что я уснул на несколько часов и потом выглянул в окно, а они все еще там, Линда с Поли, вовсю заняты друг дружкой. Я пока еще никого сам не целовал, но представить себе не могу, что меня потянет заниматься этим часами напролет.

Но в тот вечер снаружи ветрено и холодно, на углу тихо, и мне делается сонно – и тут я вспоминаю, что назавтра предстоит сдать эту домашку по английскому. Как и со всеми домашними заданиями, я дотянул до последнего вечера перед сдачей. Дело вот в чем: учусь я так себе. Ну, то есть я не дуб, оценки у меня путем, и я не из тех, кого просто бесит сидеть в классе. В смысле школы я мог бы копать, а мог бы и не копать. Но когда ты уже в шестом классе, приходится копать, так?

Короче, в домашке той надо было сочинить стихотворение, но, что вообще даже мерзее, чем просто сочинение стихов, велели сочинять про Христа. Я, кстати, хожу в католическую школу Святого Джо⁵. Поэтому не впервые приходилось мне подбирать слова, которые рифмуются с «Христос». «Возрос» – палочка-выручалочка. А еще «вразнос». И «под откос». И «кокос». Ну, вы поняли. Трудно. Однако стихи, где вразносы, откосы и кокосы, у монашек восторга не вызывают. Если вы ходили в школу, которая с монашками, сами понимаете, о чем я. И тут-то возникает здоровенный клен.

Смотрю я, как древесные ветки раскачиваются туда-сюда на ветру, а мелкие веточки тянутся в небо, все равно что щупальцы, и у меня возникает мысль, будто это старое дерево – Иисус. Воображаю себе, как это дерево претерпевает бурю – как Иисус пытается говорить с людьми в долбанутом мире. Ветви, тянущиеся в эту жуткую ветреную ночь, словно руки Христа, которые он протягивает этому ужасному печальному миру, чтоб исцелять людей и утешать их, когда им страшно, или одиноко, или, если они как моя мама, грустно из-за того, что мир меняется. Здоровенный толстый ствол дерева показывает, до чего силен Иисус, и как бы воплощает собой его сердце и душу. А корни клена – это слова Христа и молитвы, они погружаются в землю, чтоб люди их обнаружили, когда пашут поля, или строят замки из песка на пляже, или выкапывают дождевых червей для рыбалки, или роют ямы на улице, чтоб проложить новую канализацию или подвести фундамент под здание, ну вы поняли, то есть, по сути, всякий раз, когда людям приходится возиться в грязи земной. В общем, такая вот возникла мысль.

Понятно, что оно кажется дурацким, но в стихотворении прозвучало получше, потому что все в рифму, только я на этот раз ничего с Христом не рифмовал. И к тому же это стихотворение, а значит, особого смысла в нем, в общем-то, быть не должно, так? Лишь бы звучало хорошо и пробуждало какое-нибудь чувство, а это, кажется, удалось.

Ну вот, отдаю я эту свою хромую домашку назавтра и выкидываю из головы. Наверное, получу за нее где-то «В» с минусом, если повезет, а может, и «С», поскольку не вычитал, а с орфографией у меня страшная беда и почерк паршивый. Вот уж чего монашки терпеть не

⁵ Имеется в виду святой Иосиф.

могут. Скверный почерк. Можно подумать, прямо-таки один из семи смертных грехов, если судить по тому, как они на этот счет с ума сходят.

* * *

Когда мама и папа учились в католической школе, монашки были, с их слов, покруче тех, которые достались нам в Св. Джо, что представить себе трудно, пока не послушаешь, как родители рассказывают про битье линейкой по костяшкам на руках за паршивый почерк. Или хуже того, мальчишек лупили сзади по ногам тоненькой указкой, которой показывают разные страны на карте или тычут в портреты президентов, висевшие над доской. Папа говорил, что его как-то раз взгребли так крепко, что у него ляжки сзади кровили, и ему пришлось весь день сидеть за партой, пока кровь не засохла. А когда он в конце дня все же встал, школьные брюки прилипли к коросте на ногах. Он понимал, что матери ничего не расскажет, потому что старые ирландцы в ту пору не верили, будто монашки или священники способны хоть что-то сделать не так, даже если ты истекаешь кровью.

– Если б я пожаловался матери, она бы сказала, что я небось заслужил, и всыпала бы мне еще хлеще за то, что сам же и рассердил монахинь, – говорил отец.

Влип он нешуточно, когда явился домой после школы и попытался снять штаны так, чтоб не поскрести те корки, и не смог, а содрать их, по его словам, вышло б большее, чем сами колотушки. Так вот, брат его, мой дядя Тим, посоветовал ему налить полную ванну воды, чтоб папа в нее сел, и корочки размякли. Но тут до них дошло, что тогда мать наверняка увидит кровь и в ванне, и на полотенцах и выяснит насчет битья, а потому решили дойти до реки и залезть в нее. Беда была в том, что в Нью-Йорке стоял январь, и прыгать с причала в Уэстсайте Манхэттена – не то же самое, что в Миссисипи, как Том Сойер и друг его Финн.

– Скорей всего, плюхнешься на какого-нибудь бедолагу, которого какой-нибудь проходимец решил спихнуть в реку, а то и просто насмерть замерзнешь, – сказал папа.

Поэтому дядя Тим вызвался обоссать ему ноги, и тут отец понял, что придется идти домой и выкладывать матери правду, потому что быть обоссанным или прыгнуть на мертвого проходимца в ледяном Хадсоне все-таки хуже, чем заработать взбучку.

Жили они в Адской кухне⁶, где бабушка обитает до сих пор. По дороге домой проходили мимо конюшни на Десятой авеню и заметили, как лошади пьют из поилки. И оба сразу поняли: вот он, выход из положения. Пока дядя Тим стоял на шухере, отец залез в корыто и сидел там, пока не смог стянуть с себя штаны. После чего они рванули на Сорок восьмую улицу: отец в одних трусах, дядя за ним, хохоча всю дорогу. И вот они взбегают на крыльцо, влетают в квартиру – и на кого натыкаются? На мать. Отец сейчас смеется, вспоминая это, но тогда сказал:

– Она женщина хоть и крошечная, но врезать умела – только держись. То была самая жуткая взбучка из всех, какие она мне устраивала.

⁶ Адская кухня (Hell's Kitchen, также Клинтон) – район Манхэттена, ограниченный 34-й и 59-й улицами, 8-й авеню и рекой Хадсон. Название обусловлено высоким уровнем преступности, из-за чего Адская кухня была одним из криминальных центров Нью-Йорка с середины XIX века до конца 1980-х.

3

Живет тут один старый дядька у нас в квартале, мистер Форд, и у него есть «Шеви-Корвет» 1957 года. И это, черт бы его драл, кабриолет!

Мистер Форд – забавный старый хрыч, он, бывает, зовет меня и моих друзей к себе в гараж, когда возится с «ветом». И всякий раз, когда зовет, дружок мой Джерри вечно спрашивает одно и то же.

– Как так вышло, что вы купили «шеви», когда фамилия у вас Форд?

Ну то есть буквально каждый раз, как ни зайдем, Джерри задает один и тот же дурацкий вопрос. И это он не пытается быть смешным или умничать, он просто не очень-то соображает.

– Сынок, если б компания «Моторы Форда» выпускала «Корветы», я б завел себе «Форд», – всегда отвечает мистер Форд.

Не знаю, чего он вообще утруждается даже отвечать Джерри. Я б сказал ему, чтоб он бросил задавать при каждой встрече один и тот же дурацкий вопрос, но мистер Форд, наверное, любезней моего.

Старик Форд – настоящий Мистер На-все-руки, и ему нравится показывать нам двигатель «вета», который он выкрасил в красный и белый, в тон красно-белым сиденьям и красно-белой торпедой и всем датчикам на ней. Говорит, двигатель автомобиля необходимо содержать в такой чистоте, чтоб с него можно было обедать. Любит он давать вот такие поученьица.

Говорит нам:

– Важно, чтоб инструмент был какой надо, однако еще важнее применять его правильно.

Когда он принимается разводить советы и вообще всякую тягомотину вроде этого, мы говорим, что нам пора домой ужинать. Но старперы, они обычно этим и заняты, так? Дают затасканные советы, просишь ты их или нет.

На прошлой неделе мы околачивались у его дорожки, а он тогда только-только закончил с новым проектом, с которым возился. Взял мотор от старой газонокосилки и как-то ухитрился приспособить его к своему диковинному древнему велосипеду. Велик тот чуть ли не со времен Второй мировой войны, а может и с Депрессии, поскольку таких допотопных великов и не увидишь сроду, разве что в каких-нибудь старых фильмах типа «Мясника Кэссиди и Парняги из Сандэнса». Помните ту сцену, где у одного парня девчонка сидит на руле, и за ними гонится бык, и играет песня «Каплет на голову мне дождь»?⁷ Вот такой был тот велик.

Короче, вешает, значит, старик Форд этот мотор на свой чокнутый велик, педали больше крутить не надо. Достаточно дернуть за шнур на том моторе от газонокосилки, и погнал велик, что хорошо, поскольку на велике он катается по всей округе, иногда вплоть до Рокауэй-Бич, а это от нашего района прилично. Мне это известно только потому, что у моей прабабки-шведки летний домик в Рокауэе, и, когда я бываю у нее в гостях, вижу, как мистер Форд разъезжает по променаду. Мы с друзьями гоняли на великах до Рокауэя, и это нехило, поэтому, прикидываю я, если ты старик вроде мистера Форда, у тебя хренов сердечный приступ случится, если попробуешь туда добраться без вот такого моторчика на своем велике. Мистеру Форду, скажу я вам, лет под восемьдесят, а может и все девяносто. И тощий. Через старческую кожу все насквозь видать. Она тонкая, как вошенная бумага, в какую сэндвичи заворачивают в кулинарии, через нее прожилки видно, и смотреть на это ух мерзко, когда мистер Форд рубашку летом стаскивает. Не понимаю, чего старики так. Должен быть такой закон, что после сорока или типа того рубашку на публике снимать нельзя.

⁷ Butch Cassidy and the Sundance Kid (1969), реж. Дж. Р. Хилл – самый кассовый американский вестерн в истории кинематографа. Raindrops Keep Fallin' on My Head (1969) – песня Хэла Дэвида на музыку Берта Бакарака, написана для этого фильма, впервые исполнена Билли Джо Томасом; получила премию «Оскар» за лучшую песню для фильма.

Мама шутит, что у мистера Форда, должно быть, имеется девушка, с которой он там на променаде встречается, потому что иначе зачем ему так напрягаться. Но, по-моему, не может быть, чтоб у такого старика, вроде Форда, была девушка. А если есть, это ужас какая гадость даже подумать о таком, особенно если представить, как он стягивает с себя рубашку, а если у тебя девушка, стягивать ее приходится.

Иногда после ужина отец идет через дорогу, чтобы выпить с мистером Фордом пива. Ему нравится слушать старые байки о нашем районе и о том, каким когда-то был наш городок. Папа такие старые байки обожает.

Говорит:

– Я просто люблю, как дурак, предаваться воспоминаниям. Это во мне от ирландца.

Мистер Форд рассказывал отцу, что он был первым, кто стал жить в этом доме, и въехал в тот же день, как ушел последний плотник.

– Мы с женой перебрались сюда из города, чтоб детям свежего воздуха побольше, а мне – гараж, чтоб можно в нем возиться, – рассказывал мистер Форд отцу. Папа говорил мистеру Форду, что мы по той же причине переехали из Куинза, только отец мой возиться не любитель. Те, которые возятся, они возятся себе на потеху, а отец просто чинит то, что поломалось, обычно это очередная наша старая говенная машина.

Грустно сказать, но к тому времени, когда мы въехали в наш дом, жена мистера Форда уже умерла, а какие б там ни были дети, они перестали его навещать, и, видимо, поэтому он всегда зовет нас, соседских пацанов, поглядеть на его работу. Хреново дело, если ты такой вот славный старикан, а дети твои к тебе вообще не заглядывают. И это странно, поскольку мистер Форд, кажется, был хорошим отцом. Он милый и никогда не матерится и вообще не пьет, и поэтому грустно представить, как он коротает все дни и ночи один у себя дома. Есть надежда, что мама права, и у него и впрямь есть в Рокауэе девушка.

Мистер Форд говорит, наш городок когда-то был здоровенной фермой, пока окружное начальство не проложило Лонг-Айлендскую железную дорогу напрямик через нее, чтоб люди из города могли добираться летом в Рокауэй-Бич. И тогда фермер, который владел землей, озлился и продал все мужику по имени Гибсон, а тот хотел превратить все эти уголья в деревеньку. И этот вот Гибсон убедил того, кто принимает такие решения, построить и здесь железнодорожную станцию. И построили. Вот почему городок и станцию назвали в честь того парня Гибсона, что резонно, поскольку весь наш район был его задумкой, так? Вот такая она, история городка нашего Гибсона.

Если вам доводилось хоть раз кататься по Лонг-Айлендской железной дороге и вы скушали, глаза в окно на несущиеся мимо дома, наверняка видели городки вроде Гибсона, где все дома смотрятся примерно одинаково. Кварталы и кварталы тощих домушек с узенькими подъездами к ним, крошечные садики на задах, опрятные газончики спереди, и возле каждого на полоске травы между тротуаром и канавой торчит по клену.

Вот чего мистер Гибсон не понимал, сажая эти клены перед каждым домом: когда клены растут, их корни не уходят вглубь, они прут в стороны и лезут на поверхность, над землей, горбатят тротуары, бровки и мостовые, проламывают бетон, и во все стороны расползаются трещины. Я знаю, что отец беспокоится, когда я оставляю свой велик на тротуаре и перекрываю дорогу из лютеранской церкви старым бабкам, но те трещины на тротуаре, я считаю, куда опасней.

Пока были малявками, мы играли в игру «Кто на трещину ступает – мамке спину ломает»: надо было попытаться пройти всю улицу, не наступив ни на одну трещину в тротуаре, но на нашей улице из-за ущерба от кленов такое не удавалось совсем. Перед домом Дабровски, на полпути между моим и домом моего лучшего друга Луи, корни выдавили тротуар так, что возник десятидюймовой высоты горб. Мы с Луи обожали этот искореженный тротуар напротив Дабровски, потому что это трамплин для великов, но все остальные считали, что здесь того

и гляди случится беда, особенно бабки. Соседи пытались уговорить миссис Дабровски, чтоб та велела мужу спилить дерево, выкопать корни и починить тротуар, но она сказала, что это дело городка, а не ее мужа.

Клен Дабровски в конце концов пал – после того, как миссис Ван Уоррен споткнулась о здоровенный кусок тротуара напротив того дома и рухнула. Спину не переломала, но расколола себе череп. Миссис Ван Уоррен была из старых бабок, которые живут на нашей улице. Таких у нас в квартале осталось немного, и папа говорит, они тут живут от начала времен, с тех пор, как эти дома построили в 1920-е. Первые поселенцы – так он их называет.

После того как «скорая» забрала миссис Ван Уоррен, ее сосед мистер О'Нил подступил к клену Дабровски с бензопилой, и мы все смотрели, как дерево упало на середину улицы, перекрыв движение на несколько часов, пока мистер О'Нил не распилил его на чурбаки и не велел своим ребятам отнести те дрова к ним домой.

О'Нилы живут в конце нашего квартала. Семья из настоящих больших ирландских, с десятью детьми. У нас тут таких вокруг много. И не только ирландские – итальянские тоже. Есть Диллоны, у них двенадцать, у Рубино – десять, у Де-Ли – тринадцать, а у Мёрфи – четырнадцать. И это все семьи двузначные. Навалом и таких, у кого по семь, восемь или девять детишек. Мне кажется, обалденно, когда столько братьев и сестер, потому что если вы – как я, то есть у вас всего один брат и он козлина, вы в полете усратья как, а вот если у вас в семье восемь ребят, как у Мёрфи, тогда с немалой вероятностью хотя бы с одним из братьев у вас все будет ладно.

Дома в Гибсоне все одинаковые. Одна большая спальня родителей и две маленькие – детские. Но поскольку у всех семьи огромные, большинство и чердаки с подвалами переоборудует в спальни, хотя летом на чердаке жарко, как в духовке, а когда там у тебя вместе живут шестеро из твоих восьмерых сыновей, как у Мёрфи, представляешь себе, до чего липко и смрадно там делается. Поэтому летом Мёрфи по всему своему участку ставят палатки. И сбоку от дома, и перед домом, и даже на подъездной площадке – там-то братцы Мёрфи и спят. Едешь летним днем на велике, смотрится как летний лагерь. Видишь, как они там балдеют по палаткам, и кажется, будто это очень клево, но, сколько б я ни просил отца поставить палатку у нас на заднем дворе, он мне говорит, чтоб я спросил у мамы.

Спрашиваю у мамы, а она говорит:

– Поспишь в палатке, когда пойдешь в поход, не позволю я, чтобы этот дом смотрелся как трущобы вроде тех, какие дальше по улице.

При стольких семьях со столькими детьми можете себе представить, какие бывают летние вечера на нашей улице – и на всех остальных улицах в округе. Повсюду сплошь детвора, и обычно это здорово, потому что всегда найдется с кем поиграть. Иногда, впрочем, это не так уж здорово, потому что, если свернешь не в тот квартал в неудачный вечер, вполне возможно, что тебе наступят по башке, а потому необходимо знать, какие кварталы безопасные, а какие лучше обходить стороной. Нам повезло: наша улица довольно спокойная – из-за братьев О'Нил. Они не такие, как большинство крутых парней, потому что на самом деле добрые и вместо того, чтобы наступать тебе по башке, говорят: «Как дела, малыш», – а если тебя кто-нибудь задирает, они вмешаются и задира пуганут до усрачки. С ними на улице как будто при своей полиции в округе.

– На вид все равно что ватага крестьян, – говорит про них мой отец, потому что все они рыжие, с огромными толстыми руками, широченными плечами, а лица в веснушках. И еще они звезды во всех видах спорта, за какой ни возьмутся. Энди блистал в футболе, Джо – в баскетболе, Ларри и Даг занимались борьбой, а Кевин и Билли были героями бейсбола. Но самым старшим был Здоровяк Рэй, боксер, – и Рэй был легендой. Настоящей легендой – его прямо так и звали: Легенда. Сейчас ему уже под двадцать пять, и с Легендой никто никогда не связывается.

Легендой он стал после того, как в шестнадцать лет избил взрослого мужика – тогда и прилипло это прозвище. Какой-то урод приставал к женщине, которая раньше жила на нашей улице. Она была разведенка и снимала подвальную квартирку в доме Ди Винченцо. Однажды вечером Легенда шел из парка и увидел, как тот тип толкнул ее прямо на тротуар. Мама говорила, что, наверное, она возвращалась с одного из своих многочисленных свиданий. В общем, Легенда это видит, спрашивает у дамы, все ли в порядке, а тот парняга отвечает: «Проваливай отсюда, щенок, если не хочешь, чтобы я тебе рыло перекроил». Легенда ему ничего не сказал – просто подошел и ударил в физию. Одним ударом тот мужик лег без сознания, как подкошенный. Прodelываешь что-нибудь такое – и становишься легендой.

Легенда вел за собой остальных веснушчатых и рыжих великолепных братьев О'Нил, те закидывали на плечи огромные куски ствола, тащили их по улице, по своей дорожке и во двор. Это было похоже на вторжение дровосеков на нашей лонг-айлендской улице. О'Нилы потом не один год кололи те дрова для камина, и каждую зиму, проходя мимо их дома, оттуда пахло горящим деревом. А есть ли что лучше запаха дровяного дыма зимним вечером? С тех пор, каждый раз улавливая дымный дух из камина О'Нилов, мы говорили: «Опять горит клен Дабровски».

Большинства старых кленов, росших вдоль нашей улицы, теперь уже нет, и не успеешь оглянуться, как не останется ни одного, и это огорчает маму. Вообще, мне кажется, в последнее время она часто бывает грустной – еще до того, как умер Дед. Раньше она все время смеялась, шутила, танцевала, а теперь чаще и чаще как будто уплывает в какое-то тихое место. И бывает, огорчиться может из-за чего-нибудь вроде того, что погибло уже столько кленов.

– От этого сердце просто вдребезги, верно же? – приговаривает она. И по глазам у нее видно, что сердце у нее действительно вдребезги, а когда ты пацан и видишь такой мамин взгляд, от него пугаешься и теряешься. А поэтому смотришь в другую сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.